

ПОЛИТИКА ПРУССИИ В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Взаимоотношения Пруссии и Польши, как и любых других соседних государств, имеют многовековую историю. Даже своим названием Пруссия обязана польскому князю Конраду I Мазовецкому, который в начале XIII в. для защиты от нападений пруссов пригласил к себе на службу Тевтонский орден и предоставил ему в 1226 г. Хелминьскую землю в качестве плацдарма для экспансии на прусские земли с целью их завоевания и христианизации. В результате победы Польши над Тевтонским орденом в Тринадцатилетней войне (1454–1466 гг.) Пруссия была разделена на королевскую (западную) и княжескую части. Последняя до 1657 г. находилась в вассальной зависимости от Польши. В 1525 г. владения Ордена в Прибалтике были секуляризированы и превращены в герцогство Пруссия под управлением курфюрста Бранденбурга из династии Гогенцоллернов. Новый этап в польско-пруссских отношениях наступил во второй половине XVIII в.

Как известно, в разделах Речи Посполитой в последней трети XVIII в. участвовали три державы: королевство Пруссия, монархия Габсбургов и Российская империя. Внутреннее ослабление польского государства, заведенного в тупик “шляхетской демократией”, совпало с военно-политическим расцветом Пруссии при Фридрихе II Великом. Впервые идею о разделе Польши он высказал по окончании Семилетней войны (1756–1763 гг.), когда Польша после смерти Августа III осталась без нового короля. Однако это предложение было решительно отклонено Россией. В начале 1770-х годов ситуация, осложненная для Петербурга русско-турецкой войной 1768–1774 гг., поводом к которой как раз и стала внутренняя нестабильность в Польше, а также якобы имевшие место нарушения Россией договоров, касающихся Речи Посполитой, позволила Пруссии настоять на разделе. Прусскому проекту благоприятствовала и международная обстановка. Ни Великобритания, ни Франция не собирались вмешиваться в польские дела. Второй и третий разделы проходили по схожему сценарию. Поводом для окончательного уничтожения Польши как независимого государства явилось национально-освободительное восстание 1794 г. под руководством Т. Костюшко.

С 1795 г. Пруссия владела всей западной и частью центральной Польши с Варшавой и Белостоком. Особенно важным для Гогенцоллернов было то, что им наконец-то удалось объединить земли Бранденбурга с Пруссией, которая с 1772 г. именовалась Восточной Пруссией. Новые территории, вошедшие в состав Пруссии по второму разделу, получили название Южная Пруссия (Südpreußen), а земли, присоединенные по третьему разделу, – Новая Восточная Пруссия (Neuostpreußen).

Включение территорий с преимущественно польским населением в состав Пруссии потребовало изменений административного устройства и структуры управления, чтобы привести их в соответствие с уже существующей двуединой (военной и гражданской) прусской системой. Это было сделано в довольно короткое время. На новых землях были организованы прусские фискальные, полицейские, административные и другие

государственные органы. Все эти шаги положили конец надеждам польского населения на то, что вошедшие в состав Пруссии польские земли будут иметь особый федеративный статус. Выбор именно такого политического курса обуславливался имевшимся у прусских властей политическим опытом в отношении Силезии и Западной Пруссии, ранее попавших под власть Гогенцоллернов. Однако присоединение земель с исключительно польским населением, не испытывавшим на протяжении предыдущих столетий никакого германского влияния, оказалось делом достаточно сложным. Осознание того, что в Варшаве, Лодзи и даже Познани отношение к новым властям будет совершенно иным, чем в Катовице, пришло к прусским властям далеко не сразу.

Западная Пруссия подверглась опрощиванию сразу после 1772 г. Вся старая система управления, главную роль в которой играли старосты, была уничтожена, значительная часть светской и церковной земельной собственности была обложена налогами, население попало под суровый бюрократический пресс. Присоединение Силезии и Западной Пруссии вызвало меньшее сопротивление благодаря нескольким факторам. Во-первых, в этих землях еще со времен средневековой германской восточной колонизации большое количество земельной собственности находилось в руках немцев. Во-вторых, постоянно испытывая на себе германское влияние и близость к Священной Римской империи (как территориальную, так и культурную), польское население восприняло смену сюзерена спокойно, а иногда и с воодушевлением. И, в-третьих, эти земли были аннексированы на 25–55 лет раньше, еще в век Просвещения, который кардинально отличался от времени, наступившего после Великой французской революции. Приметой нового времени являлось зарождение национализма – как прусского, так и польского. К тому же ни Силезия, ни Западная Пруссия не были затронуты восстанием Костюшко, а дворянство и городское население не отличались там единством и находились, как уже отмечалось выше, под сильным культурным влиянием германских соседей.

Ситуация в Южной и Новой Восточной Пруссии складывалась совершенно иначе. Даже сами названия, данные прусскими властями этим новым провинциям, свидетельствуют о том, что никакого немецкого исторически сложившегося обозначения для них не было, и просуществовали эти административные единицы всего несколько лет. При определении политического курса на этих территориях речь могла идти только о прямом завоевании с последующей колонизацией местного населения.

Новая провинция Южная Пруссия была оккупирована прусскими войсками в 1793 г. Управление Познанью перешло из рук дворянства в ведение военных комиссаров. Отто Карл Фридрих фон Фосс, прусский министр, отвечавший за организацию провинции Южная Пруссия, в сентябре 1794 г. писал: “Путем вступления во владение Южная Пруссия стала провинцией прусской монархии. Ее польская конституция и администрация не соответствуют прусским и кардинальным образом отличаются от административного и государственного управления находящихся по соседству Силезии и Западной Пруссии; их сохранение не только сведет на нет все положительные результаты от присоединения для новой провинции, но и изолирует ее жителей, препятствуя их внутренним связям. Она станет государством в государстве, а ее жители будут считать себя поляками. Эта польская конституция... будет ежедневно напоминать им об их происхождении и давать надежду на возвращение (прежнего порядка. – *А.М.*)... Внутреннее положение в провинции станет более запутанным... Исходя из этого, король после вступления во владение повелел привести всю организацию в соответствие с прусскими, а особенно с силезскими и западно-прусскими принципами”¹.

Из текста этого меморандума, принадлежавшего одному из ведущих прусских политиков, ясно, что слом польской системы административного управления представлялся германским властям не только необходимостью, но и благом для польских подданных прусской короны. Отсюда – и ближайшие действия прусских властей: превращение новых земель в колониальные дополнения к старым прусским территориям. Министр по

¹ Цит. по: *Bussenius Ch. Urkunden und Akten zur Geschichte der preußischen Verwaltung in Südpreußen und Neuostpreußen 1793 bis 1806. Frankfurt.a.M., 1961, S. 61.*

делам Восточной и Западной Пруссии Ф.Л. фон Шрёттер взял под свое управление Новую Восточную Пруссию, то же самое произошло и с Южной Пруссией. Главными для прусских властей в начальный период их деятельности стали меры по подавлению польского восстания 1794 г., введение военного положения и преследование видных деятелей национального движения. Эти меры, а также ужесточение налоговой и церковной политики сразу же превратили две новые провинции в территории второго сорта и привели к тому, что лояльная поначалу часть польского населения перешла на позиции противников прусского государства. Сепаратизм поляков зародил у влиятельных немецких чиновников мысль о необходимости проведения мероприятий по германизации населения, прежде всего сферы образования и языка.

К концу XVIII в. отчетливо обозначились два подхода к польской проблеме – мягкий, который условно можно назвать силезским, и репрессивный – западно-прусский. Однако никому из прусских чиновников не приходила в голову идея о некоей прусско-польской конфедерации. Она занимала умы лишь небольшой польской дворянско-шляхетской группировки, связанной с пропрусски настроенным князем Антоном Радзивиллом. Дважды, в 1796 г. и в 1806 г., эта группировка предлагала польскую корону прусским королям Фридриху II и Фридриху-Вильгельму III, однако оба отказались².

Поражение, которое французские войска под командованием Наполеона Бонапарта нанесли Пруссии в 1806 г., прервало поступательное проведение политики в отношении польского меньшинства и сделало саму Пруссию объектом интересов других европейских государств. В этот сложный для нее период один из ведущих политиков страны, творец прусских реформ Г.Ф.К. фон Штейн выдвинул предложения по решению судьбы Польши. Их основным содержанием явилась идея о том, что не надо стараться германизировать Польшу, а наоборот, нужно предоставить ей все возможности для внутреннего, прежде всего культурного и экономического, развития. По мысли Штейна это должно было превратить поляков из врагов в верных союзников той страны, которая решится на проведение подобной политики³.

Его идеям не суждено было стать основой для реальной политики, не только из-за того, что после Тильзитского мира 1807 г. Пруссия утратила почти все свои польские приобретения, но еще и потому, что у Штейна не нашлось активных сторонников внутри прусской правящей элиты. Создание по Тильзитскому договору в 1807 г. герцогства Варшавского не было воссозданием самостоятельного польского государства – это квазигосударство являлось всего лишь французским протекторатом. Тем не менее данное событие укрепило в польском обществе веру во Францию как единственную европейскую державу, заинтересованную в возрождении независимой Польши, а Наполеон в глазах поляков превратился в легендарного героя. Иллюзорная вера во Францию сохранялась среди поляков на протяжении всего XIX в. и даже после заключения русско-французского союза 1807-х годов.

Корректируя изменения, произошедшие в Европе во время наполеоновских войн, Венский конгресс 1814–1815 гг. оставил за Пруссией значительные польские земли – Западную Пруссию с центром в Данциге (Гданьске) и провинцию Познань, именовавшуюся в 1815–1848 гг. провинцией Великое герцогство Познанское, с главными городами Позен (Познань), Гнезено (Гнезно) и Бромберг (Быдгощ). Большая часть этих земель оставалась в составе Пруссии до 1919–1920 гг. Полностью они были возвращены Польше только в 1945 г. Таким образом, у прусских государственных и политических деятелей был более чем вековой период для выработки и реализации такой польской политики, которая обеспечила бы максимальную интеграцию поляков в Пруссию, а затем и в Германской империи.

² Broszat M. *Zweihundert Jahre deutsche Polenpolitik*. München, 1972, S. 76.

³ Stein G.F.K. von. *Briefwechsel, Denkschriften und Aufzeichnungen*, Bd. 2. Berlin, 1936, S. 229.

Задача данной статьи – рассмотрение политики прусских властей в отношении польского населения с начала XIX в. до 1860-х годов. Такие хронологические рамки кажутся вполне обоснованными, так как после назначения в 1862 г. на должность прусского министра-президента Отто фон Бисмарка начался совершенно особый этап прусской политики в отношении поляков, изученный значительно лучше, в том числе отечественными исследователями, чем предыдущий.

В отличие от двух других империй – Австрийской и Российской, – в состав которых также вошли польские земли, Пруссия (а затем Германия) не имела сколько-нибудь значительных национальных меньшинств, кроме поляков. Соответственно она не имела и никакого конструктивного опыта в области национальной политики, помимо ассимиляции. В отечественной и польской литературе традиционной является оценка прусской политики в отношении польского меньшинства как исключительно колонизаторской и антипольской⁴. Не оспаривая правомочности такой трактовки, все же отметим, что отношение к полякам в Пруссии было более сложным, а польская политика претерпевала значительные изменения на протяжении всего периода пребывания польских земель в составе этого государства.

Польская политика прусского, а затем и германского государства всегда была детерминирована внутригерманскими задачами и проблемами. После проведенных в Пруссии в 1807–1822 гг. реформ, осознания той особой роли, которую страна сыграла в освободительной войне 1813–1814 гг., а также значительного увеличения территории и населения государства в 1815 г. в среде прусской элиты появилась уверенность, что именно перед Пруссией стоит историческая задача возглавить объединение Германии. Следствием территориальных приращений в Рейнской области, Вестфалии и Саксонии стала потеря Пруссией всякого интереса к возвращению тех польских земель, которыми она владела до 1807 г. Она была заинтересована теперь лишь в областях, полностью поддающихся германизации⁵.

Польский вопрос в начале XIX в. являлся не только внутренней проблемой государств, получивших польские земли в результате разделов, но и одной из ключевых общеевропейских проблем. Незаинтересованность Пруссии, высказанная ею в 1814 г., в переделе герцогства Варшавского, территория которого была занята русскими войсками еще в 1813 г., давала возможность реализовать русский сценарий развития данных областей. Этому благоприятствовало и то, что в Варшаве существовала достаточно сильная прорусская партия во главе с князем Адамом Чарторыйским.

Возможность такого развития событий вызвала озабоченность не только в Вене, но и в Лондоне. Британский представитель на Венском конгрессе лорд Каслри, опасаясь чрезмерного усиления позиций России в Центральной Европе, убедил Пруссию включить в свой состав Торунь и Познань с прилегающими областями. Важным следствием Венского конгресса стало и то, что известный своим полонофильством Александр I согласился предоставить вновь созданному Царству Польскому широчайшие автономные права в составе Российской империи, надеясь, что подобным образом поступят также пруссаки и австрийцы. В Заключительном акте конгресса и в двухсторонних договорах между Пруссией, Россией и Австрией было прописано, что каждое государство должно предоставить полякам широкие автономные права. При этом державы, прежде всего Пруссия и Россия, пришли к соглашению о том, что данная договоренность касается только тех земель, которые входили в состав герцогства Варшавского (таким образом, они изначально не затрагивали Галицию, Западную Пруссию и восточные области быв-

⁴ См., например: *Рубинштейн Е.И.* Политика германского империализма в западных польских землях в конце XIX – начале XX века. М., 1953; *Trzeciakowski L.* Pod pruskim zaborem 1850–1918. Warszawa, 1973; “Дранг нах Остен” и народы Центральной Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918 гг. М., 1977.

⁵ *Griewank K.* Der Wiener Kongreß und die Neuordnung Europas 1814-15. Leipzig, 1942, S. 147–149.

шей Речи Посполитой). На практике же очень скоро выяснилось, что ни одна из держав не собирается последовательно выполнять данное обещание.

Некоторое время исключением в этом смысле была Россия. Вплоть до смерти в 1825 г. Александра I русская политика в Царстве Польском представляла собой наиболее благоприятный для поляков вариант. Были восстановлены польская армия, польский Государственный совет и Варшавский сейм, первым наместником назначен польский генерал И. Зайончек, а занимавшийся польскими делами брат императора Константин выполнял исключительно надзорно-наблюдательные функции. Политика Петербурга казалась и полякам, и представителям держав, участвовавших в разделе Польши, чуть ли не движением к восстановлению ее независимости. Русская политика повлияла и на первые мероприятия прусских властей в Великом герцогстве Познанском, которое с самого начала обладало особыми правами внутри Пруссии, о чем позаботился канцлер К.А. фон Гарденберг. Обер-президентом Познани был назначен известный своими симпатиями к полякам советник Й. фон Зербони, а постоянным королевским штатгальтером – князь А. Радзивилл. В своем обращении к полякам от 19 мая 1815 г. прусский король в отличие от Александра I не обещал им никакого самоуправления, но при этом гарантировал равные права с другими подданными, а также продекларировал свою заботу о сохранении и развитии польской культуры и языка⁶.

До 1830 г. прусские власти старались привлечь на свою сторону польское население, особенно активно поддерживая польских земельных магнатов. В значительной степени именно в их интересах в 1820-е годы создавались финансовые кредитные органы для сельского хозяйства с целью экономического оздоровления польского аграрного сектора. Вплоть до середины XIX в. большинство крупных (свыше 150 га) земельных владений в провинции Познань принадлежали полякам (950 тыс. га против 600 тыс. га у немцев)⁷. Существующая в Пруссии система выборов в региональные представительные органы также действовала в интересах польского дворянства. Во впервые созданном в 1827 г. познанском ландтаге преобладало именно польское дворянство. Однако некоторые сферы управления постепенно начали переходить в руки германских чиновников, что соответствовало стратегической идее германизации провинции. В первую очередь это касалось судебных органов. Хотя в них и декларировалось языковое равенство, оно все чаще становилось номинальным, так как прусские чиновники не владели в достаточной степени польским языком, а никаких установлений, обязывающих их изучать польский, не существовало. Важным рычагом воздействия на польское дворянство были также распоряжения, выдержанные в духе прусских реформ Штейна и Гарденберга об освобождении польского крестьянства, например, указ 1823 г. о крестьянах Великого герцогства Познанского. К мероприятиям, призванным унифицировать ситуацию во всех частях Пруссии, относится и проводимая в рамках реформы образования В. фон Гумбольдта⁸ реорганизация начального и среднего образования в польских районах, что, несомненно, имело прогрессивное значение.

В целом политику прусских властей в польских провинциях, прежде всего в Познани, с начала XIX в. до 1830 г. можно охарактеризовать как благоприятную для польского национального меньшинства. Поляки получили права, равные с остальным населением Пруссии, польское дворянство, особенно крупные помещики, смогли улучшить свое финансовое положение и получили возможность влиять на прусскую политику в той же мере, как и все остальные жители Пруссии – через представительство в ландтаге. Предпринимаемые берлинскими властями шаги по введению немецкого языка трудно назвать целенаправленно германизаторскими, задуманными исключительно для ассимиляции польского населения.

⁶ *Laubert M.* Die preussische Polenpolitik von 1772 bis 1914. Krakau, 1942, S. 49.

⁷ *Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz*, Rep. 87 B, № 9489.

⁸ О В. фон Гумбольдте подробнее см. *Ростиславлева Н.В.* Основатель Берлинского университета В. фон Гумбольдт как мыслитель и политик. – Новая и новейшая история, 2010, № 3.

Причин для проведения такого мягкого политического курса было, как нам кажется, несколько. Во-первых, поляки представляли собой единственное крупное национальное меньшинство (1,5 млн. при общей численности населения в 10 млн. человек) в стране, руководители которой не имели на вооружении исторически апробированных принципов и подходов к решению национального вопроса, выстраиванию межэтнических отношений. Во-вторых, польский вопрос привлекал пристальное внимание иностранных государств, а обязательства в отношении поляков, взятые Берлином на Венском конгрессе, были еще не забыты. В-третьих, в самом прусском обществе и в его правящей элите царили настроения, навеянные Французской революцией. Дух прусских реформ и патриотический подъем 1813–1814 гг. наложили отпечаток и на последующий период.

Подход к решению польского вопроса начал меняться в конце 1820-х годов, с ростом общеевропейской реакции, а кардинальные изменения произошли под влиянием Июльской революции во Франции и восстания 1830–1831 гг. в Царстве Польском.

Вступив на престол в 1825 г., Николай I отказался от полонофильской политики своего предшественника. Нараставшая в России реакция стала одной из причин польского восстания 1830–1831 гг., среди участников которого были широко распространены надежды на помощь из-за рубежа. Однако международная ситуация сложилась для поляков неблагоприятным образом. Франция и Великобритания ограничились дипломатическим осуждением политики царизма, жестоко подавившего восстание. Пруссия безоговорочно поддержала Россию. Причины этого вполне объяснимы. Российский император был близким родственником Фридриха Вильгельма III, но главное, Берлин был не заинтересован в успехе поляков в русской части, поскольку беспорядки могли перекинуться оттуда в Познань и даже в Западную Пруссию. Тем более что признаки разрастания польского движения были налицо – в Познани тайно набирались добровольцы для службы в армии Царства Польского.

Несмотря на протесты либералов из своего окружения, прусский король закрыл границу между Познанью и Царством Польским, а главнокомандующий прусскими войсками на востоке А.В.А. Нейдхард фон Гнейзенау предоставил в распоряжение русских частей базы и склады, расположенные в Восточной Пруссии. После занятия Варшавы войсками генерала И.Ф. Паскевича все польские солдаты, перешедшие границу Пруссии, немедленно разоружались. Таким образом, прусские власти максимально способствовали поражению польского восстания 1831 г.

Из этих событий прусское общество и прусские власти сделали совершенно разные выводы. В общественном мнении Пруссии, так же как, впрочем, и повсеместно в Европе, польские эмигранты-революционеры стали считаться общеевропейскими борцами за свободу против тирании, за национальную независимость и прогресс, а Польша предстала как некий барьер, защищающий просвещенную Европу от восточных (русских) варваров. Следует заметить, что поляками европейцы долгое время считали только шляхту, а вовсе не крестьян, составлявших основную массу польского населения.

Иными были уроки, извлеченные из этого восстания прусскими властями, хотя справедливости ради отметим, что, по сравнению с репрессиями, которые практиковало царское правительство, никакого серьезного наказания участники восстания от прусских властей не понесли. Однако именно с этого времени поляков стали воспринимать в Берлине как постоянного источник внутренней опасности для стабильности государства. Появилось убеждение, что никакое примирение с поляками, так же как и уважение к их культуре, языку и национальным особенностям, не приведет к их постепенной и безболезненной интеграции в прусское государство. Только жесткая система управления и планомерная германизация дадут желаемый результат. Такой курс, получивший название “нового”, начался с назначением на должность обер-президента Познани одного из приближенных к королю чиновников – Эдуарда фон Флоттвелля, бывшего до этого регирунгс-президентом в Мариенвердере (Западная Пруссия).

Главными врагами прусского государства он считал польскую шляхту, крупных и средних землевладельцев и католический клир, а целью своей политики – сокраще-

ние, вплоть до полного уничтожения привилегий польских землевладельцев и дворян и предоставление максимальных возможностей для развития горожанам, в большинстве своем немцам, а также крестьянам. Данный политический курс, проводимый им ранее в Западной Пруссии, он собирался перенести теперь и на Познань. Первые распоряжения нового обер-президента были направлены на утверждение немецкого языка в качестве главного и единственного официального (1832 г.). Далее последовал королевский указ об отстранении выборных ландратов, т.е. представителей польской аристократии, от управления на окружном и районном уровне и о передаче всех управленческих функций в руки правительственных чиновников. В 1836 г. был упразднен старый польский институт войтов (старост), выполнявших административные и полицейские функции. Их место заняли районные комиссары, рекрутировавшиеся в основном из отставных офицеров и унтер-офицеров прусской армии.

Результатом 10-летнего правления Флоттвелля в Познани стала унификация управленческой структуры провинции с остальными частями страны. Его политика оказала заметное влияние на всю социальную, экономическую, культурную и духовную жизнь. Ему удалось почти полностью устранить от управления польскую аристократию, значительно урезать ее экономическую мощь путем передачи конфискованных земельных владений в немецкие руки. При этом многие мероприятия прусских властей были направлены на создание и укрепление промышленности, дальнейшее освобождение крестьянства от поземельной зависимости, интенсификацию сельского хозяйства, организацию новых школ и т.д.

Польским ответом на такую культурную и экономическую экспансию стало создание собственных институтов, занимавшихся финансированием и поддержкой польских студентов, ученых, крестьян. Первой такой организацией был Союз Марцинковского, образованный в 1840 г. В дальнейшем именно общества и союзы взаимопомощи и поддержки являлись основным инструментом польского противодействия германизаторской политике Пруссии, а затем и Германской империи.

В 1840 г. на прусский престол вступил Фридрих Вильгельм IV, и с этого времени начался следующий этап польской политики Пруссии. Основопологающей взятого на вооружение курса на “примирение” стала идея о том, что принадлежность к польской национальности вовсе не является препятствием для того, чтобы быть верными подданными прусской короны. В рамках этого нового подхода прусские власти предприняли ряд шагов, направленных на завоевание симпатий поляков. В 1840 г. были амнистированы участники восстания 1830–1831 гг. Купля-продажа земель осуществлялась теперь без всяких национальных различий. Отстраненного при Флоттвелле от должности гнезненского архиепископа в июле 1840 г. восстановили в правах, а в 1841 г. для дальнейшего урегулирования всех церковных вопросов в прусском министерстве культов был учрежден католический департамент. Новым обер-президентом провинции стал граф А. фон Арним-Бойценбург, всецело разделявший взгляды короля. Польскому дворянству возвратили ряд привилегий, и это склонило значительную его часть на сторону Пруссии.

В 1840–1846 гг. центр польского общественного движения переместился из Парижа, где располагалось большинство польских эмигрантских клубов после Венского конгресса и восстания 1831 г., в Познань. Достигла своего расцвета так называемая “органическая работа”, начало которой было положено деятельностью Союза Марцинковского. Именно в это время возникли все основные польские газеты и журналы провинции Познань.

В результате “примиренческой” политики польское общество раскололось на два лагеря – консервативных приверженцев существования в рамках прусского государства и либеральных революционеров, считавших, что все национальные и социальные проблемы может решить только новое восстание. В 1846 г. они подготовили выступление, которое должно было начаться одновременно в прусской, российской и австрийской частях Польши. Однако планы заговорщиков были раскрыты, и это стало для Фридриха Вильгельма IV поводом к возвращению к политике обер-президента Флоттвелля.

Следующая глава во взаимоотношениях поляков и прусского государства связана с очень важным периодом европейской истории – революцией 1848–1849 гг. Именно в этот небольшой промежуток времени со всей полнотой проявились подлинное взаимодействие и противостояние двух национальных идей – польской и германской. Формирование политического и общественного отношения к польскому вопросу находилось теперь уже не в руках правящей элиты, а в компетенции избранных депутатов сначала Соединенного ландтага, а затем франкфуртского Национального собрания.

Для того чтобы понять суть революции 1848 г. в Германии, нужно учитывать трансформации в подходе к национальным проблемам, которые отразились на соотношении идейной и практико-политической составляющей дебатов. Подчеркнем, что во всех дебатах по польскому вопросу обсуждалось преимущественно лишь будущее Великого герцогства Познанского, а Западная Пруссия и Силезия неизменно рассматривались как неотъемлемые части прусского государства. До 1848 г. ни либералы, ни демократы не углублялись в суть польской проблемы. В самом начале революции, в период деятельности предпарламента, существовало три основных подхода к решению польского вопроса, представленных различными политическими силами. Первый подход, сторонником которого был король, сводился к тому, что полякам следует предоставить ряд уступок, но минимальных. Такой рецепт решения польской проблемы был связан с общей внешнеполитической концепцией прусского монарха, основанной на принципе тесной кооперации с Россией по польской проблеме. 24 марта 1848 г. Фридрих Вильгельм IV выступил с манифестом о национальной реорганизации Познани, что в значительной степени явилось не столько ответом на мартовскую революцию в Германии, сколько реакцией на события в самой Познани.

Либералы, прежде всего Г.А. фон Арним-Суков, министр иностранных дел созданного в марте 1848 г. либерального прусского правительства, были убеждены, что для быстрого укрепления влияния Познани внутри Германии необходимо предоставить ей широкую автономию. При этом либералы не исключали, что изменение статуса польских провинций может привести к осложнению отношений с Россией, вплоть до войны между двумя странами. Такая революционная война, роль которой впоследствии сыграл конфликт с Данией по поводу государственной принадлежности герцогств Шлезвиг и Гольштейн с частично немецким населением, должна была стать катализатором внутренних процессов в Пруссии и способствовать росту престижа Пруссии среди германских государств.

Третий проект – восстановление на волне революционного подъема полностью независимого польского государства, желательно в границах 1772 г., – отстаивали деятели польского национально-освободительного движения⁹.

В период острого революционного кризиса, между 24 и 31 марта 1848 г., наиболее вероятным представлялся второй вариант, а именно – совместное польско-германское выступление против России. Его сторонникам он казался кратчайшим путем к обретению Польшей независимости, а Германией – единства. Польские эмигранты из всех европейских стран устремились в Пруссию, чтобы принять участие в предполагаемом походе. Однако ни военные, ни тем более король не поддержали эти планы. Франция тоже дала понять, что она против войны между Пруссией и Россией. Немаловажным фактором, повлиявшим на отказ от решительных действий, явились события в самой провинции Познань, прежде всего возникновение и нарастание противоречий между польским и немецким населением.

В марте 1848 г. в Познани был создан Национальный комитет, возглавляемый Л. Мерославским и другими вождями восстания 1846 г. В марте – начале апреля отделения комитета как революционные органы власти получили признание в отдельных частях провинций Познань и Западной Пруссии. Они также занялись организацией вооруженных отрядов для ведения будущей войны с Россией. В обстановке общего оживления

⁹ *Wollstein G. Das "Großdeutschland" der Paulskirche. Nationale Ziele in der bürgerlichen Revolution 1848/49. Düsseldorf, 1977, S. 103.*

национальных чувств польское население Великого герцогства начало требовать создания национального государства, а немцы, живущие в провинции, выступили с собственными национальными требованиями. После отказа руководства Национального комитета включить в его состав представителей немецкоязычного населения¹⁰ между жителями провинции разных национальностей и конфессиональной принадлежности возникли противоречия, с течением времени перешедшие в открытый конфликт. При этом одна часть членов комитета считала, что планы воссоздания польского государства и приближение перспективы формирования общепольского правительства станут более реальными, если в провинции будет царить единство. Однако победила та точка зрения, что польское государство должно создаваться исключительно польскими деятелями.

В скором времени это привело к противостоянию двух этнических групп и созданию в Познани немецкого Национального комитета. Полного единства в нем, как и в польском комитете, не существовало, что обуславливалось и политическими, и региональными различиями. Например, немцы западных районов не доверяли немцам в столице провинции.

К этническим различиям между поляками и немцами добавлялись и социальные – немцы преимущественно относились к горожанам, в то время как поляки по большей части жили на селе. Немецкое национальное движение по своему составу было более демократичным, чем польское, где доминирующее положение занимали землевладельцы и земельная аристократия, имевшая с основной массой населения разные экономические и политические интересы и цели. Отношения польской элиты с властями трех разделивших Польшу держав были не однозначными. Во всех частях Польши действовали влиятельные группы, адаптировавшиеся к сложившейся системе, не требовавшие коренных перемен и готовые ограничиться национальной автономией. Для этих групп – Радзивиллов в Познани или Чартгорьских в Царстве Польском – либеральные идеалы деятелей предпарламента и франкфуртского Национального собрания были чужды так же, как и для польского крестьянства.

Со времени созыва предпарламента в марте 1848 г. польская проблема неизменно стояла в его повестке дня. Еще в марте стал обсуждаться вопрос о том, включать или не включать провинцию Познань в состав Германского союза, а также о ее будущем статусе. В дискуссии участвовали представители различных политических направлений, а итоги ей подвел демократ Г. Струве. Он заявил, что к работе предпарламента следует привлечь немецких представителей Познани (делегатов от нее вначале не было). “Мы не можем, – сказал он, – бросить 500 тыс. немцев, живущих в Познани, так как это было бы предательством по отношению к нашим братьям”. Они, подчеркнул Струве, должны участвовать наряду с остальными немцами в деле создания единого германского государства. При этом Германия, по его мнению, должна всячески способствовать и воссозданию независимой Польши¹¹.

В предпарламенте звучали и более радикальные суждения, однако общее решение было весьма осторожным – никаких реальных решений не принималось. Депутаты назвали разделы Польши неправомочными, заявили, что должны всячески способствовать воссозданию польского государства и обратились к прусскому правительству с просьбой предоставлять полякам из России убежище в Пруссии. То, что затем часто называлось пропольским курсом предпарламента, по сути, было лишь общими словами, которые плохо соотносились с требованиями реальной политики, выглядевшими следующим образом.

В начале апреля командующий прусскими войсками генерал Ф.А. фон Коломб выступил против польских вооруженных подразделений, а также против действий на-

¹⁰ В то время в городе Познань проживало 18 тыс. поляков, 14 тыс. немцев и 10 тыс. евреев; в целом по провинции соотношение было иным: на 800 тыс. польского населения приходилось около 400 тыс. немецкого и 80 тыс. еврейского. – *Schmidt H. Die polnische Revolution des Jahres 1848 im Großherzogtum Posen. Weimar, 1912, S. 142.*

¹¹ Цит. по: *Wollstein G. Op. cit., S. 111.*

значенного для исполнения распоряжения короля от 24 марта “комиссара по реорганизации” К.В. фон Виллизена. Прибывший 5 апреля в Познань Виллизен, известный своими пропольскими взглядами, предложил провести новые свободные выборы ландратов и бургомистров, реорганизовать полицию и армию, выразил готовность сделать и иные уступки польскому населению. Эти заявления вызвали всплеск недовольства среди немцев провинции и бойкот со стороны генерала Коломба и прусских чиновников. Переговоры Виллизена с членами польского Национального комитета 11 апреля 1848 г. позволили избежать больших человеческих жертв в ходе столкновений между прусскими войсками и польскими добровольческими корпусами.

Вскоре в Берлине было принято решение о разделе провинции на польскую и прусскую части. Прусская должна была войти в Германский союз, а польской предоставляли ряд привилегий и автономных прав – возможность иметь собственную конституцию, национальные судебные и административные органы, использовать польский язык в школах и государственных учреждениях – т.е. все то, что обещали полякам на Венском конгрессе.

Из-за позиции прусских военных Виллизен 20 апреля 1848 г. был отозван в Берлин. Польская сторона восприняла это как срыв всех договоренностей. Ситуация вновь обострилась. Окончательно познанское восстание было подавлено к середине мая, а его руководители, в том числе и Мерославский, – арестованы.

В следующий раз польский вопрос оказался в центре внимания прусских властей и депутатов франкфуртского Национального собрания во время дебатов 24–26 июля 1848 г. и принятия окончательного решения 27 июля. К июльским дебатам выявились две основные позиции германских депутатов. Первую, “идеалистическую”, связанную с представлениями о правах человека, озвучил депутат, входивший в левую фракцию “Дойчер хоф” Р. Блюм. Он заявил: “Тем, кто сейчас не обращает внимания на нужды и требования польского народа, я должен напомнить, что большую часть вины за это несем мы... Если вы делите Познань, чтобы оправдать немцев, то вы делите тогда и Шлезвиг, и бросаете славян, которые принадлежат Австрии, и отделяете южный Тироль от Германии... Если политика ведется в соответствии с сиюминутными требованиями, то, по моему мнению, это вообще не политика”¹².

Иную точку зрения, в конце концов поддержанную большинством Национального собрания, высказал депутат-демократ В. Йордан: “Должны ли полмиллиона немцев жить под немецким управлением и принадлежать большому германскому отечеству или они должны играть второстепенную роль натурализованных иностранцев под гнетом другой национальности?. Того, кто говорит, что немцы, живущие в Познани, должны оказаться под польским управлением, я иначе как предателями назвать не могу... Лозунг дать Польше свободу, чего бы это ни стоило, – лозунг политики слабости и страха... Настало время пробудиться от самоуничижительного сна... к здоровому национальному эгоизму”¹³.

В результате дебатов подавляющим большинством голосов было принято решение в поддержку правительственного плана раздела провинции на польскую и немецкую части, причем особо подчеркивалась необходимость обеспечения прав немецкого национального меньшинства в польской части Познани. Кроме того, было решено включить польских представителей в состав делегатов Национального собрания. (Впоследствии польская фракция неизменно присутствовала в обеих палатах прусского ландтага, а с 1871 г. – и в германском рейхстаге.)

Обсуждение проблем провинции Познань отчетливо высветило несколько основных моментов. Во-первых, казавшиеся вначале взаимозависимыми польская и германская национальные задачи на поверку противоречили друг другу. Если ранее депутатам представлялось, что невозможно объединить Германию, не восстановив независимость польского государства, и ради этого они готовы были даже воевать с Россией, то очень

¹² Stenographisches Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituierenden Nationalversammlung, Hrsg. von F. Wigard, Bd. II. Leipzig, 1848, S. 1101.

¹³ Ibid., S. 1102 ff.

скоро стало ясно, что познанская провинция только мешает делу германского единства. Главная проблема состояла в том, что в Познани проживало многочисленное немецкое население, которое в случае восстановления польского государства оказалось бы в положении национального меньшинства.

И здесь возникает наиболее сложный вопрос, касающийся не только революции 1848–1849 гг. в германских государствах, но и всей истории Европы с середины XIX в. вплоть до наших дней, а именно – вопрос национальный. С одной стороны, и либералы, и демократы во франкфуртском Национальном собрании, воодушевленные идеями “весны народов”, декларировали право всех наций на независимость и государственность, а с другой стороны, эти идеи очень быстро пришли в противоречие с реалиями политической жизни и с национальным чувством немцев. Встав перед выбором – собственные интересы или интересы поляков, – депутаты от всех германских государств без колебаний выбрали собственные. В стенах франкфуртского Национального собрания депутаты-либералы заложили основы политики по германизации поляков, проводившейся О. Бисмарком – сначала министром-президентом, а затем имперским канцлером.

Со времени революции 1848 г. национальный вопрос в польских землях начал играть все более деструктивную роль, осложняя отношения между различными этническими группами в провинции Познань. Прежде противостояние существовало главным образом между интересами прусского государства и польской аристократией, теперь же друг другу противостояли три группы интересов: прусские государственные, польские национальные и немецкие национальные. После 1849–1850 гг. межнациональные противоречия продолжали нарастать, что вылилось, в том числе, в создание отдельных польских и немецких экономических и культурных организаций, находящихся в постоянной конкуренции друг с другом. Прусская конституция, введенная в действие в 1850 г., имела двойное влияние на положение польского населения. Участвуя в выборах, поляки получили возможность быть депутатами ландтага и оказывать некоторое влияние на прусскую политику. Но вместе с тем развитие Пруссии как единого конституционного государства положило конец особому положению польских территорий и превратило Познань в обычную прусскую провинцию без каких-либо автономных прав. Идея ее раздела на две части так и не была реализована на практике.

Прусская власть стала воспринимать поляков лишь как подданных прусской короны, не сомневаясь в будущем вхождении польских земель в состав единой Германской империи. Поляки перестали быть для них прусскими поляками, превратившись в польских пруссаков. Прусская администрация во главе с обер-президентом Ойгеном фон Путткамером (1851–1860 гг.), подчеркнуто толерантная в национальных вопросах, отказывалась брать на себя решение межнациональных проблем и в то же время начала адаптировать польское население к потребностям государственной жизни. Все государственные усилия Пруссии были направлены на ужесточение бюрократических и даже полицейских мер по реализации этой задачи, прежде всего в сфере образовательной и церковной политики. Изменения в “нарезке” избирательных округов, проведенные в 1855 г., резко сократили количество польских депутатов прусского ландтага, и те практически больше не влияли на принимаемые в нем решения.

Конец 1850-х годов, казалось, изменил общую ситуацию в пользу поляков. Смерть Николая I и приход к власти либерала и полонифила Александра II в России, конец прусской постреволуционной реакции и замена на престоле Фридриха Вильгельма IV на Вильгельма I (регента с 1858 г.) явно предвещали новую эру в положении поляков. В Познани им даже были сделаны некоторые уступки, в частности, смягчена цензура и увеличена польская фракция в ландтаге. Изменились настроения и в среде самих поляков, а пример движения Гарибальди в Италии породил у них новые надежды на восстановление собственной государственности.

Однако всем этим надеждам не суждено было сбыться. С назначением на должность прусского министра-президента, консерватора и будущего творца германского единства Бисмарка начался совершенно новый этап не только в прусской и германской истории в целом, но и в положении поляков в Познани и Западной Пруссии.

Прусская политика в Познани всегда была сильно детерминирована внутриспрусскими условиями, реалиями и приоритетами. Характерные для правительственного курса колебания между консерваторами и либералами автоматически сказывались и на положении поляков. Немаловажное значение имела и обстановка в Царстве Польском. Если до начала 1830-х годов, несмотря на все меры, предпринимаемые для интеграции провинции в прусскую систему, поляки сохраняли целый ряд автономных прав и привилегий, то после восстания 1830–1831 гг. и до начала 1840-х годов усилилось стремление к унификации и интеграции, обусловленное главным образом практическими задачами. Так, вопрос языка, на котором ведется преподавание, был связан не в последнюю очередь с подготовкой поляков к службе в прусской армии. Чтобы стать полноценными солдатами, они должны были овладеть немецким языком. Конфессиональный вопрос был детерминирован проблемой Ватикана и возможностью его вмешательства во внутренние дела государства. Эти проблемы вышли на первый план в период проведения Бисмарком политики Культуркампфа.

Несомненный интерес представляет период революции 1848 г., требующий дальнейшего, более углубленного изучения. Рождение национализма стало тем феноменом, который определил будущее развитие не только Германии и Польши, но и Европы в целом. Когда речь зашла о национальных интересах, все политические идеи и идеалы отошли на второй план. В 1848 г. и прусские власти, и широкое общественное мнение увидело в поляках препятствие для поступательного развития Пруссии и для создания единого германского государства. Это и явилось основной предпосылкой жесткого антипольского курса, который в дальнейшем проводил Бисмарк.